

НАД МЕТАФОРАМИ И ИНДИКАТОРАМИ (об одном из направлений применения системного подхода в политическом моделировании)

Системный подход в последние полвека обрел популярность и стал использоваться в самых разнообразных предметных сферах, в том числе, в политическом моделировании. Вместе с тем, его применению в современной политологии препятствует целый ряд объективных и субъективных факторов. В частности, одна из проблем состоит в том, что между различными политологическими школами пока не достигнуто соглашение об основных принципах описания систем власти.

В практике западных наук различие методов исследований по степени их приобщенности к формализации фактически оформлено разделением на *science* и *humanities*. *Political science* — это не гуманитарная «политология», а наука, которая, если и не является пока точной, то постулирует стремление стать таковой, рассматривает в качестве идеала точность естественнонаучного знания. Сходные тенденции наблюдаются и в России. В частности, М.В. Ильин отмечает продуктивность разграничения понятий «политология» и «политическая наука», допуская возможность широкого толкования первого, но считая необходимым сделать второе максимально узким [1]. Активно разрабатываются методологические проблемы политического исследования.

Начиная с первых работ по кибернетике и общей теории систем, неоднократно появлялись попытки применить выработанные в их рамках междисциплинарные обобщения к политологии. Некоторые из них приобрели большую популярность на Западе [2]. Их отличительная черта - претензия на определенную завершенность, введение новых понятий, не всегда удобных для операционализации.

Отсутствие в настоящее время работ, позволяющих достаточно полно продифференцировать изучаемые явления, оставаясь в рамках согласованных между разными авторами и школами представлений, во многом обусловлено дефицитом рационализированных систем понятий, что заставляет политологов прибегать к метафорам. По сути, речь идет о глубинной метафоризации гуманитарного знания, которая в политологии усугубляется контекстной страноведческой ориентацией. Метафоризацию уместно соотнести с интуитивными формами познания, выделяемыми современным политологом О.Ф.Шабровым в качестве самостоятельных [3].

С этим связана сложность формирования универсального политологического знания, и отсюда возникает проблема интеграции понятийных аппаратов. Современное развитие новой риторики – учения о концептуальных метафорах и метанимиях, их роли и механизмах функционирования позволяет наметить прогресс в области подобной интеграции [4]. В этой связи практически по всему миру активизировались проекты по созданию корпусов политических метафор и их исследованию. В ходе этих исследований стало ясно, что введение новых понятий, таких, как «политическая культура», которые недостаточно операциональны и существенно по-разному воспринимаются в разных школах не помогают решить поднятую Ф.И.Тютчевым проблему непонимания России *in ratio* [5].

1. О блеске и нищете метафор в политологии

Пока метафоры остаются одним из ключевых инструментов политической науки, что обусловлено сложностями формализации терминов и понятий политологии. Сущность метафоры состоит в переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода [6]. Метафора – важнейший способ познания, структурирования и объяснения мира. Научные метафоры приписывают объектам ранее не выявленные у них свойства и направляют процесс поиска на обнаружение этих свойств. Тем самым абстракции как бы отождествляются с более привычными системами представления, обладающими утвердившимся набором ассоциаций, которые способствуют осмыслению новых идей. Метафора приписывает объекту признаки и потому обладает гипотетической природой. Новые идеи порой возникают в форме метафор [7].

Метафоры обладают рядом достоинств, именно поэтому они, как показано в работах целого ряда авторов, в частности М.Блэка, Д.Дэвидсона, Дж.Лакоффа, становятся наиболее распро-

страненным способом преодоления коммуникационных разрывов [8]. В частности, метафорам присуща интуитивная прозрачность и гибкость, что упрощает первичное понимание объекта.

Интуитивные представления о политике часто оформляются в виде метафор. А.Е.Седов приводит интересные оценки роли метафор, ссылаясь на англоязычную методологическую литературу [9]. «Метафора - это жизненный дух парадигмы (или, точнее, ее основная организующая связь)», «любая научная теория - это сеть метафор и, более того, - любое знание, включая научное, неизбежно метафорично», «метафоры... часто связывают уже сложившиеся концепции с еще только формирующейся новой системой представлений», «метафора выполняет в научном познании организующую функцию, связывая как различные слои языка теории, так и разные по природе и происхождению фрагменты знания». «В когнитивной модели того или иного сложного явления метафора играет такую же роль, какую в компьютерной программе - команда вызова подпрограммы-модуля: она вызывает когнитивный блок-ассоциацию извне, из другой области знаний, в которой образы, аналогичные исследуемым, уже есть. Поэтому метафору можно рассматривать как своеобразный «концентрат» информации, как новый информационный вход в данную когнитивную модель из других». Вместе с тем, одна и та же метафора может создавать разные образы исследуемого объекта. В качестве примера можно привести привычную и довольно распространенную на Западе метафору России как медведя [10]. Если по Ч.Осгуду в рамках подобной метафоры попытаться системно описать Россию в семантических координатах, отражающих три базовые переменные - модальность, силу и активность [11], то получим наглядные векторы изменений. Россия 90-х годов с позиции западных СМИ смотрелась как страна, имеющая, несомненно, положительную модальность, обусловленную ориентацией на построение капиталистического общества с демократией западного типа. Умеренную силу России характеризовали низкие военные затраты и ВВП, а низкую активность - довольно ограниченная самостоятельность. Если следовать звериной метафоре, подобные сочетания ассоциируются с такими качествами животного, как доброжелательность, большой размер, сонливость. Под такой набор семантических переменных в качестве метафоры в силу известных географических и исторических параллелей прекрасно подходит сонный медведь. Изменение курса российской политики не могло не сказаться на восприятии ее Западом. Россия начала XXI в. в зеркале западных СМИ смотрится как страна, имеющая отрицательную модальность, обусловленную ее ориентацией на построение государственного капитализма и на державнические ценности. Страна имеет нарастающую силу, что отражают растущие военные расходы и ВВП, активизирующиеся спецслужбы. Третий параметр - активность - тоже заметно изменяется в сторону увеличения, проявляясь в риторике об однополярном мире, попытках энергетического шантажа соседей. Новому набору семантических переменных в качестве метафоры удовлетворяет также медведь, вдобавок, выбранный символом партии власти, но только уже не сонный, а разбуженный и непредсказуемый шатун.

На наш взгляд, данный пример наглядно иллюстрирует, что, хотим мы этого или нет, одним из путей анализа сложных процессов, в том числе и политической реальности, является использование метафор. Метафоры как инструмент выводятся в зависимости от их выбора к принципиально разным следствиям и часто обладают огромной эмоциональной нагруженностью. Из одной метафоры (например, рассмотренная выше метафора «Россия - медведь») складываются разные образы объекта, поскольку приписывание медведю разных атрибутов проводится вне анализа и верификации правдоподобия такого приписывания опыту.

Поэтому одним из путей перевода анализа в плоскость академически нейтрального рационального дискурса является выбор одновременно достаточно общих и не лишенных предметного содержания структур и методов их исследования. Изложенные соображения подчеркивают, что системное рассмотрение метафор может оказаться достаточно продуктивным.

2. Системный подход как способ формализации адекватных метафор

Если знание в политологии в большей степени все еще сосредоточено именно в наборах метафор и правилах их применимости, чем в рационализированных понятиях, то для политической науки задача извлечения этих правил и уточнения набора метафор представляется одной из приоритетных. Без этого разработка обобщенных моделей для описания политического пространства, а также тех параметров и критериев, которые оно в себя включает, представляется трудноосуществимой. Формализация, которая при этом неизбежна, при соблюдении адекватных

процедур, не обязательно означает распрямление как потерю существенных смыслов. [12]. Во времена К. Маркса абстрагирование при анализе сложных общественно-экономических и политических систем обычно приводило к уменьшению объема содержания за счет выбрасывания факторов, характеризующих существенные черты изучаемого объекта. Современные технологии имеют потенциальную возможность полной экспликации всего рационализируемого содержания, без уменьшения сложности изучаемого объекта. В этом смысле само понятие «тощих абстракций» стало некорректным применительно к симбиозу специалиста и информационных технологий. Однако употребление метафор в политологии связано с определенными проблемами и ограничениями, часть из которых упомянута выше.

В рамках работ по формализации популярность приобретают публикации, анализирующие и детализирующие метафоры с позиций философии, когнитивной лингвистики или алгебры логики. При этом намечается тенденция концентрации интересов и усилий на периферийных для политологии направлениях, что не способствует популяризации такого направления исследований среди политологов.

К решению этой задачи можно продвигаться различными путями. Мы попытались это сделать, опираясь на одно из основных достижений междисциплинарного знания – системный подход, применимость которого к задачам политологии была неоднократно проиллюстрирована российскими политологами О.Ф.Шабровым, М.Г.Анохиным, М.Н.Грачевым [13].

В данной статье речь идет о направлении естественной формализации, использующей системный подход для выделения в метафорах компонентов в виде групп и слоев и рассмотрения их взаимодействия. Этот подход позволяет прекрасно описать ряд классических теорий и удобен для компьютеризации. Мы намеренно отказались от претензий на окончательность и на введение чужеродных интуитивному пониманию и сложившейся языковой практике терминов, предпочитая начать с модельной задачи. Такой подход должен облегчить понимание, критику, пополнение и развитие предлагаемых ниже соображений.

В качестве тестового полигона естественно выбрать закономерности, анализ которых восходит еще к античности и которые сохраняют элементы актуальности при решении современных проблем. Мы попытались проанализировать вопрос о классификации типов политических систем, классификации скоростей их изменения, а также классификации уровня манипуляций. В той или иной степени все эти вопросы по отдельности затрагивались неоднократно.

Попытка осовременить идеализированную модель Аристотеля для описания особенностей современного мира с учетом значительной части действующих в нем законов требует опоры на метафоры или на выбор чисто эмпирических показателей, построения системной модели. Здесь можно применить элементы теории катастроф: в какой-то момент приходит осознание того, что ситуацию можно изменить. Нередко склонные к постпозитивизму исследователи ссылаются на формальные наборы факторов, выделенные по малому набору эмпирических данных. Подобный подход обычно ограничен самим набором данных и обладает прогностическими способностями лишь в меру выбора влияющих факторов и способа их комплексирования. Необходимо отметить, что это принципиально разные подходы, причем системный анализ является попыткой сопрягать достоинства метафорического целостного описания мира с чуткостью к эмпирическому оправданию такого описания. Попытаемся теперь посмотреть, насколько далеко можно продвинуться в построении и систематизации «пучка метафор», исходя из традиций системного подхода на основе введения понятий систем, подсистем их состояния и взаимодействия. Рассмотрим, как эти понятия могут вводиться на примере задачи анализа переходного состояния.

3. Системный подход к рассмотрению метафор в политике

Системный подход мы будем использовать в понимании Л.Берталанфи, согласно которому концепция «системы» заключается во взгляде на мир «как на большую организацию» взаимодействующих подсистем. В известной мере сходный подход к гуманитарному знанию предлагался в рамках структуралистской концепции, которая, однако, полностью не исчерпывает его возможности. В системном анализе общества принято различать состояния подсистем и их взаимодействия, подобно необходимым элементам в структуре любого языка - существительным и глаголам. И это понятно, поскольку структурная сложность организации властных отношений в обществе не превышает сложности языка, на котором это общество говорит. Наглядным способом отображения выделяемых подсистем и их взаимодействия являются когнитивные карты. При

этом очевидно, что одной и той же когнитивной карте может отвечать несколько упрощающих интерпретаций, каждой из которых соответствует своя метафора. Проще говоря, любая метафора не является безальтернативной, набор допустимых метафор задается структурой когнитивной карты. Например, для описания переходных процессов можно выбирать определения из целого ряда метафор («революция», «бунт», «переворот») [14].

При построении системы понятий в политологии, на наш взгляд, уместно выделить несколько ключевых эвристических методологических принципов такого построения.

1. *Принцип соответствия.* Попытки построения принципиально новой системы понятий конструктивны лишь тогда, когда она заведомо включает в себя иные, ранее разработанные и оправданные при решении частных задач системы понятий.

2. *Принцип разделения синхронного и диахронного [15].* При разработке системы понятий политологии принципиально важно, как и в лингвистике, различать синхронический и диахронический аспекты описания. Синхронический аспект отражает поведение в относительно малый момент времени, а диахронический – развитие события или последовательности событий во времени, связанное с передачей из поколения в поколение всей культурной наследственности и традиций. Для того чтобы адекватно определить содержание метафоры, необходимо учитывать диахронную и синхронную информацию о ней.

3. *Принцип полноты.* Синхронический аспект отражает квазистационарное состояние изучаемого объекта, когда события, протекающие одновременно, рассматриваются только относительно друг друга, без учета изменения внешней среды. При этом состояние должно максимально полно отражать характерные черты его наиболее существенных для изучения особенностей и степеней свободы. Варьируя степени свободы, можно получать частные, в том числе и вырожденные, состояния, отражающие отдельные виды изучаемых объектов. Например, выделяемый античными классиками ассортимент форм правления: полития—демократия, аристократия—олигархия, самодержавие—тирания. Запись представлений Аристотеля в форме таблиц можно найти в учебниках политологии [16]. Рассмотрение их с позиций системного подхода позволяет прийти к соображению о применимости понятий состояний и переходов между ними как отвечающих соответствующему аппарату моделирования (например, марковским цепям¹ или когнитивным картам). Такое представление открывает путь к численным оценкам вероятностей перехода, сравнению их в разных обществах и типизации. Описание состояний должно быть достаточно детализированным, чтобы, как минимум, схватывать различия приводимых форм правления.

Таблица. 1. Матрица состояний форм правления (СФП) без учета скоростей перехода

	В общих интересах	В личных интересах
Власть большинства	Полития	Демократия
Власть избранных	Аристократия	Олигархия
Власть одного	Монархия	Тирания

4. *Принцип реализма.* При синхроническом описании конструируемая система должна различать декларируемое и практически реализуемое в объекте моделирования. В развитии общества и государства могут наблюдаться смены состояний, декларируемые и практические, или различие между декларациями и практикой. В значительной мере это маркирует горизонтальный переход между «хорошими» и «плохими» политическими системами одного типа (См. табл. 1)

Реализация системного подхода, опирающегося на введенные выше принципы, приводит к необходимости анализа перехода между состояниями, описываемого как диахронический. При этом для вертикальных процессов в приведенной выше матрице состояний характерно двойное описание как для амбивалентных образов. С учетом циклического характера времени в данной модели можно ее изобразить в форме схемы (рис. 1).

¹ Под Марковскими процессами принято понимать процессы, описывающие переход системы между несколькими состояниями. При этом каждое состояние изображается в форме матрицы и указываются вероятности перехода из одного состояния во все другие. Подробнее см.: *Кемени Дж., Снелл Дж.* Конечные цепи Маркова. М. 1970.



Рис. 1 Графическое представление цикличности смены разных типов политических режимов

Описание вертикальных переходов возможно как с позиций все еще преодолеваемого прошлого, так и с позиций «разрушения худшего ради лучшего», по крайней мере, так это видение обычно презентуется.

Важно отметить различие в кинетике перехода. В случае горизонтального перехода от «хороших» систем к «плохим» в рамках одного типа наблюдается эволюционное сползание, внешне порой точно не диагностируемое, а при вертикальной смене типов форм правления – захват власти, обычно сопровождаемый вооруженными действиями. Переход может быть удачен (революция) или может получить название мятежа или путча в зависимости от его исхода. В этой связи для описания процессов перехода должны применяться метафоры или модели, отражающие возможность того, что переход может не удался.

Простейший предложенный вариант системы при помощи приведенной матрицы СФП (табл. 1) отражает только особенности господствующей в данный момент формы правления, слабо фиксируя ее идеологию и наличие одновременно иных проектов власти (схема полицентризма). Анализ возможности зарождения и существования иных проектов требует применения расширенных средств описания, в частности, применения для анализа методов теории мультиагентных систем, теории переговоров, теории игр и др.[17].

4. Некоторые направления совершенствования модели

Анализируя смену состояний общества, нельзя обойти определенные трудности, связанные с определением этих состояний и, тем самым, с идентификацией приемлемой метафоры или параметров модели. Здесь можно обозначить две ключевые проблемы. Первая - определение состояния общества. Упрощенно говоря, это координаты движения. Здесь можно использовать концепцию разных политических режимов, можно ограничиться изменением форм правления, можно измерять степени свободы, как, например, это делает «Дом свободы». Каждая из этих систем координат имеет право на существование, поскольку доказала свою жизнеспособность в течение длительного периода времени, невзирая на критику. Несмотря на многочисленные споры между политиками, по всем этим шкалам разработаны количественные параметры, позволяющие определять динамику и направление движения [18]. Вторая сложность – расхождение между декларируемым и фактическим состояниями политической системы общества и соотношению их динамики. Иногда факт меняется вдогонку декларации, а порой – наоборот, сначала событие совершается фактически и только потом оно находит отражение в официальных документах, доктринах, декларациях.

Можно различать процессы смены состояний не только по скорости, но и по виду: изменение деклараций при сохранении практик, изменение практик при сохранении деклараций или их совместное изменение. Декларируемые ценности и механизмы находят свое отражение в основополагающих документах: в конституции, в посланиях президентов, в декларациях, в доктринах. Их сравнение позволяет оценить направленность структурирования политического пространства представителями власти и политических партий. Реальные ценности и механизмы могут быть только реконструированы из косвенных данных, таких как статьи расходов бюджета, характеристики уровня жизни, качество функционирования институтов гражданского общества по результатам независимых экспертиз и т.п. Нарастание различий между декларациями и практикой, на обыденном уровне часто маркируемое нарушением этических норм, ростом коррупции, насилия, служит признаком назревания горизонтальных переходов в матрице СФП или сдвигом на шаг по схеме, представленной на рис 1.

Введенные понятия позволяют определить матрицу диахронных изменений с учетом как деклараций, так и практик. Диахронические процессы могут различаться по скорости их протека-

ния и по направлению. Маркируя общественное развитие и его динамику по направлению и скорости (градиенту) движения в выбранном направлении, получаем схему типов и скоростей перехода между состояниями (табл. 2).

Таблица. 2 Матрица типов и скоростей перехода между состояниями (СПС)

Скорости перехода	Декларации (вперед)	Декларации (назад)
Быстро (вертикально)	Революция	Контрреволюция
Медленно (горизонтально)	Эволюция	Реставрация
Отсутствует	Стабилизация	Застой

В табл. 2 обозначены варианты переходов от одного типа общественного состояния к другому: «революция», «контрреволюция», «реставрация», «эволюция», «стабилизация», «застой». Данный набор понятий полностью в рамках нашей системной модели исчерпывает характер диахронных изменений состояний. Подобное системное представление типов изменения общественного состояния представляет платформу для изучения их взаимного перехода.

Исходя из того, что всегда существует некий набор конкурирующих метафор для обозначения одного события, целесообразно попытаться рассмотреть их одновременно в качестве некоей системы метафор. Важность этой задачи обусловлена непрерывностью трансформации общества, которое никогда не находится в статическом состоянии. Если использование метафоры применительно к реальности меняет саму реальность, то уровень представления о наборе возможных альтернатив оказывается существенным фактором.

5. Системный анализ изменений

Вполне логично, что системный анализ изменений должен включать в себя выявление движущих сил, направлений и динамики изменений, их взаимосвязи с предыдущим состоянием и особенностей нового состояния по сравнению с прежним. Анализ переходов, включающий возможности несовершенного перехода (мятежа, путча), как отмечалось, напоминает восприятие амбивалентных образов и может быть описан в рамках метафор и моделей, применимых для их описания (например, метафоры теории катастроф). В этой связи уместно вспомнить, что «революция» рассматривается Р.Абельсоном как расширенный сценарий, в рамках которого шаг за шагом переворачиваются отношения «господства» и «подчинения» [19]. Сперва вспыхивает «восстание», затем развивается полномасштабный «конфликт», за которым следует «победа» подчиненной в прошлом стороны и, наконец, оформляется новое распределение ролей. Рассмотрение проводится в ходе моделирования социального взаимодействия по цепочке элементы-атомы-молекулы-планы-темы-сценарии.

Итак, таблица СПС условно позволяет различать переходы по направлению (прогрессивное и регрессивное) и по скорости. В соответствии с оценкой представителями существующей власти развала СССР как «геополитической катастрофы», попытки ликвидации геополитических последствий естественным образом могут рассматриваться как реставрация (в случае уплощения не только политического, но и экономического разнообразия).

Важным моментом является выбор ценностной шкалы. В классических случаях вертикальные переходы в матрице осуществляются в моменты, когда система власти обслуживает только сама себя и в этом смысле саморазоблачительна. Но столь простые случаи характерны для доманипулятивных этапов, в которых процесс стагнации может быть успешно мимикрирован.

Для описания степени совершенства процессов мимикрии может быть также введена матрица, отражающая степень преобразования практически реализуемого в декларируемое. Этот третий тип матрицы (РДП-матрица) должен отражать преобразования, отражающие косметическое изменение образа режима. Известна фраза, сказанная Талейраном Наполеону: «На штыках можно придти к власти, но усидеть на них – невозможно». Естественно, при оценке понятия девиации надо учитывать традиции и культурные особенности общества, в котором они наблюдаются [20]. По степени мимикрии удобно ввести шкалу ее нарастания, где крайними состояниями являются кризис (колоссальное расхождение между декларациями и практикой является очевидным для большинства населения и не сглаживается общей мобилизующей идеологией) и эйфория (состояние совпадения деклараций и практик в сочетаниями с позитивными ожиданиями). Между ними возможны различные промежуточные варианты: дефицит, недокомпенсация, компенсация (небольшое расхождение деклараций и практик компенсируется идеологией, формирующей позитивные ожидания), перекомпенсация, сверхкомпенсация.

Таблица 3 Матрица расхождений деклараций и практик (РДП)

Девияция – отклонение декларации от практики	Идеологическая коррекция			
	Отсутствует	Малая	Средняя	Большая
Отсутствует	компенсация	перекомпенсация	сверхкомпенсация	эйфория
Малая	недокомпенсация	компенсация	перекомпенсация	сверхкомпенсация
Средняя	дефицит	недокомпенсация	компенсация	перекомпенсация
Большая	кризис	дефицит	недокомпенсация	компенсация

6. Целевые критерии развития политической системы и их различие

До настоящего времени мы не вводили ценностных ориентаций и не дифференцировали политические системы по целям развития. Вместе с тем, в литературе принято разделять ценности, относящиеся к экономическим и политическим свободам, допускаемым в той или иной системе [21].

По аналогии с таблицами, введенными ранее, продифференцируем скорость изменения ценностей политической системы.

Табл. 4 Скорость изменения ценностей (СИЦ)

Скорость движения	Политические свободы	Экономические свободы
отсутствует	консерватизм	традиционализм
медленно	политический либерализм	экономический либерализм
быстро	перестройка	экономическая свобода

Введенные понятия позволяют рассматривать уже не только тип правления, возможные скорости его изменения и степень идеологизации, но и направление движения общества, потому что первых трех параметров оказывается для этого недостаточно. Табл. 4 позволяет, например, продифференцировать общества, в которых политические революции совместимы с экономическим застоєм и наоборот – экономические революции – с застоєм политическим. Такая дифференциация позволяет, в частности, позволяет говорить о различии политических и экономических преобразований (например, в Китае и России), а также четче описывать соотношение экономических и политических революций и эволюций в демократическом транзите.

7. Сводка некоторых метафор изменения общественного состояния

Выше проанализированы основные процессы изменения власти с позиций единственной идеологии, выделены существенные для описания этого процесса параметры в рамках системной метафоры и обозначены математические модели и метафоры, которые могут применяться для ее детализации. При этом из нашего описания были осознанно удалены ценностные оценки ряда видов политических систем. Это позволяет ввести ситуации, отражающие взаимодействие скоростей и направлений изменения деклараций и практик.

Системное описание ситуаций изменения состояний позволяет проанализировать спектр применяемых метафор. К настоящему времени политическая наука накопила большой набор метафор для описания государства и власти в нем, а мы пока использовали как базисную только одну. Приведем краткий перечень иных наиболее употребимых метафор (заметим, что во всех явно или имплицитно фигурирует понятие состояния, выбранное нами как базовое):

- Метафоры богоизбранного народа, нации или религии рассматривают эволюцию государства и отношений в нем и его с миром как построение последующего распределения благ (т.е. смену его состояния) именно для этого народа или лиц, соблюдающих определенные правила игры.
- Метафоры сравнения изменения политического тела с человеческим позволяют рассматривать изменения состояний как изменения состояний организма.
- Метафора термодинамики, включая смены фазовых состояний вещества, рассматривает изменение состояний как установление равновесия и (или) фазовый переход (например, воды в лед или газ).

- Метафора абсолютной теории скоростей химических реакций вводит энергии состояния и эвристически важное при анализе общества понятие энергии активации для описания переходов между состояниями.
- Метафоры сравнения политического тела с эволюцией в биологии (Дарвин) позволяют рассматривать изменения состояний как изменения состояний развивающегося и адаптирующегося к ноосфере живого организма.
- Метафора развития научно-технического прогресса рассматривает эволюцию государства и отношений в нем как гармонизацию человеческих отношений и природы.
- Метафора экологического алармизма рассматривают эволюцию государства и отношений в нем как преступного пренебрежения проблемами экологии.
- Метафора манипуляции, рассматривающая язык как внедряемый правящим классом и являющийся элементом насилия (Фуко-Деррида), отчасти отраженная нами в РДП-матрице.

Каждая из возможных метафор в разной степени наполнена неявно вводимым в нее дополнительным содержанием и в разной степени указывает на расположение точки диахронной смены состояний во времени, остроты этих состояний, характера приближения к этой точке. Тем самым каждый вид метафор описывается с позиций введенных нами характеристик диахронического развития как смены состояний.

8. Пути расширения модели к описанию современных общественных систем

Рассмотренный выше модельный подход показал на классическом примере те особенности, которые привносятся при системном описании политологических объектов, рассматриваемых еще в античности. Проанализируем возможности этого подхода применительно к современной проблематике.

Применение системного подхода позволяет вводить измеряемые параметры и строить прогнозы изменения состояний. В результате появляется возможность выделить объективные факторы, влияющие на появление предреволюционной ситуации и способы ее задавливания и сохранения контроля прежней элиты. Востребованность изучения смен общественного состояния диктуется высоким уровнем накала дискуссий по проблеме так называемых «цветных революций», которые меняют вектор развития ряда территорий на постсоветском пространстве. Известно, что оценки этих событий представителями разных государств диаметрально противоположны (как продвижения к прогрессу и западным представлениям о нормах демократии – со стороны США и ряда европейских стран, как процесса дестабилизации – со стороны России и Белоруссии).

В наши дни специалисты выделяют уже четвертое поколение теорий революции [22]. Описание современного общества и происходящих в нем процессов плохо соответствует упрощенным метафорам наподобие гоббсовского левиафана. Здесь уместно вспомнить, что слишком многое скрывается в деталях и практиках, отличающих общества со сходными во многом Конституциями. Вместе с тем, создаются и интегрированные модели многофакторной динамики, отражающие многосекторный характер экономики, роль государства, роль институтов, обеспечивающих стабильность экономики и социальных гарантий. Естественно предположить, что объективная степень удовлетворенности различных слоев и страт общества связана со степенью их уязвимости и неоднородности (экономической, этнической, социальной, религиозной и др.). С другой стороны, важнейшую роль играют идеологические факторы, отражающие степень осознания этой уязвимости и неоднородности. Проявлением осознанной неудовлетворенности страт общества является степень их поляризации, в крайних случаях доходящая до бунтов, смут, революций. В работах ряда отечественных и западных теоретиков (Дж.Голдстоун, Т.Скочпол, Э.Ожиганов, В.Барсамов и др.) сделана попытка собрать совокупность эмпирических факторов, отражающих подобные изменения. Наиболее современные подходы исходят из сопоставительного анализа многих процессов. Естественно, что при переходе от влияния одного фактора к влиянию вектора факторов приходится тем или иным образом соотносить их контекстную значимость. Но еще раньше возникает проблема выбора значимых факторов и процедур их измерения.

Каждый автор предлагает свой набор влияющих факторов, но, как правило, множества предлагаемых факторов имеют довольно большую область пересечения. Однако чисто эмпирический подход по продуктивности уступает системному. Например, Дж.Голдстоун, видный пред-

ставитель четвертой волны теории революций, предлагает восьмифакторную модель, с помощью которой он описывает известные историкам, прежде всего, западных стран, мятежи и революции. С позиций развиваемого выше системного подхода особый интерес вызывает наличие нескольких групп факторов: экономических, эндогенных политических и военных (раскол элит), институциональных, экзогенных политических и военных, идеологических. Однако введение их производится на чисто эмпирической основе, путем нащупывания и подбора, что не позволяет последовательно включать очевидные с позиций системного подхода факторы. Так схема Голдстоуна, согласно доступным нам литературным данным, оказалась фактически статичной, поскольку она не учитывает кинетики процессов, факторы оказались формально изолированными друг от друга. При этом идеологические факторы получают полностью детерминированными экономически, начисто исчезло влияние религии, выпали из рассмотрения экзогенные идеологические заимствования и тема контрреволюций. Вспоминая описание Р.Бернса («Мятеж не может быть удачен – Тогда его зовут иначе!»), можно заметить, что основой рассуждения этого автора является, по сути, негативное восприятие отклонений происходящего в сообществе от восприятия еще недавно существовавшего состояния. Причин этому может быть много, как объективных, начиная от увеличения рисков, связанных с внешними и внутренними войнами, до роста налогов и транзакционных издержек, так и идеологических, определяемых степенью развитости понятийного аппарата для описания и осознания изменений и их причин и доступностью этого осознания всем членам сообщества.

Однако, вместо анализа этих причин и поиска наиболее адекватно их выражающих индикаторов, что соответствует смыслу и сути системного подхода, сделано нечто совсем иное. В одном вышеприведенном наборе факторов Дж.Голдстоун и его последователи перемешивают факторы, характеризующие различные этапы развития революционного процесса: объективное изменение статус-кво и экономических факторов или притязаний в обществе; идеологические факторы, появляющиеся в результате различных способов артикуляции этих изменений; борьба языков власти и оппозиции; противостояние власти и элит; бунт населения, свидетельствующий о том, что идеи диссидентов охватили часть общества, и ответные действия власти; усиление языка артикуляции и создание организационных форм взятия и удержания власти.

Исходя из этого, с точки зрения, развиваемой в данной публикации, предложенные вышеуказанными авторами эмпирические подходы нуждаются в серьезной смысловой корректировке. Какие же факторы и характеристики могут быть предложены как наиболее адекватные?

Безусловно, общество редко может быть в определенный период времени в значительной степени изолировано и потому характеристики можно разбить на эндогенные и экзогенные. Нам представляется, что к числу эндогенных характеристик могут быть отнесены все характеристики, отражающие экономические, политические, социальные, этнические, религиозные, экологические и иные базовые интересы наиболее значимых частей общества.

С математической точки зрения, правильнее говорить об одном из параметров сдвига, отражающих статистическую характеристику свойств распределений, отличных от нормальных, выбор которых может быть основан на стандартных эконометрических характеристиках. Важнейшим параметром, объективно характеризующим процессы, протекающие в обществе, являются меры неоднородности (параметры масштаба) или поляризации в нем экономических благ и политических прав, а также степени пространственной локализации различных прослоек общества (гетто, анклав). Дополнительным фактором является уровень представления об альтернативах или возможность сравнения уровня жизни и свобод с имеющимися в других странах.

Все эти три группы отклонений от идеалов могут рассматриваться как компоненты векторного критерия, подлежащего оптимизации. В простейшем случае возможна линейная свертка компонент с их весовыми множителями, отражающими значимость входящих компонент. Вместе с тем, такой подход учитывает роль пропаганды или имиджевых факторов в ходе языковых войн за приоритеты тех или иных направлений развития.

В современном мире революция с вооруженными столкновениями – явление достаточно редкое, более того, весьма условное (так, трудно объяснить, почему роспуск парламента в 1993 г. в России с длительным противостоянием и заметным числом жертв – это не революция, а бескровное выступление в Грузии и на Украине – революции).

С другой стороны, смена вектора направлений развития страны, кабинета министров или смена партии власти на выборах по объективным причинам достаточно распространены.

В этой связи представляется, что важным направлением развития политологии должен быть анализ факторов, сказывающихся на смене моделей развития, факторов, которые в значительной мере изучаются в количественных шкалах эконометристами с использованием коэффициентов неоднородности и разнообразных индексов поляризации.

9. Некоторые итоги

Исходя из понимания главной функции теоретических моделей - объяснение и предсказание еще не исследованных явлений, в статье сделана попытка зафиксировать черты современной политической реальности, которые позволяют рассматривать некоторые ее элементы системно. С помощью введенных в статью матриц, характеризующих смену состояний политической системы, была совершена попытка системно проанализировать изменения общественных состояний.

Представляется, что выше мы сделали шаги в направлении применения системного анализа для рационализации метафор и удаления от мифов. К числу основных задач данной работы мы относим попытку наметить пути рационализации метафор, описывающих смену форм власти путем выявления необходимых для полноценного описания степеней свободы.

Предлагаемое рассмотрение ориентировано не на моделирование конкретных механизмов и факторов трансформации частных политических структур, как это делается в ряде работ [23], а на выявление более общих факторов изменения политической системы, необходимо выделяемых как существенные.

Проведено сопоставление предложенного аппарата с формализмом, используемым при описании современных революционных процессов и поляризации в обществе, и намечены пути его интеграции с данными, традиционно рассматриваемыми в эконометрике.

Введенные как альтернативы дифференциальным уравнениям [24] матрицы смены состояний позволяют рассмотреть ряд других частотных политических метафор, имеющих отношение к смене состояний общества, например, метафору безопасности. Представляется, что как критическое обсуждение, так и дальнейшее развитие предлагаемого набора понятий и схем даст еще один ракурс, полезный для выработки максимально объективизированного языка описания политической реальности, что позволит лучше понимать стоящие проблемы, формулировать пути их решения и систематичнее работать с индикаторами и базами данных для анализа и прогнозирования политической реальности.

Литература:

1. Ильин М.В. Сравнительная политология. Научная компаративистика в системе политического знания // Полис, 2001. №4. С. 162.
2. Almond G.A., Powell G.B.Jr., Mundt R.J. Comparative Politics: A theoretical framework. 1993; Easton D. The political system: An Inquiry into the State of Political System. N.Y., 1953.
3. Шабров О.Ф. Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере. 2007. №1.
4. Gentner, D., Jeziorski, M. The shift from metaphor to analogy in western science // Metaphor and Thought. Cambridge. 1993. P.447.
5. Формизано Р.П. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Том 7. № 3. С.111.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 128
7. Averbukh V.L. Visualization Metaphors // Programming and Computer Software. 2001.Vol.27. №5. P. 230.
8. См., например: Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990; Дэвидсон Д. Что означают метафоры // там же; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004 и др.
9. Седов А.Е. Иерархические концепции и междисциплинарные связи генетики, запечатленные в ее метафорах: количественный и структурный анализ терминов и высказываний // Науковедение. 2001. № 1

10. Подробнее см.: *Баскакова Ю.М.* Метафоры восприятия России в западных СМИ. (Россия как медведь) // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы III международной межвузовской научной конференции. М. 2007. Ч. 2.
11. *Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
12. *Gentner D. Wolff P.* Metaphor and Knowledge Change // Cognitive Dynamics: conceptual change in humans and machines. Ed-s - Dietrich E., Markman A. N-Y., 2000.P.295.
13. *Анохин М.Г.* Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теоретико-прикладной анализ). – М., 1996; *Грачев М.Н., Мадатов А.С.* Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М., 2004; *Шабров О.Ф.* Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере. 2007. №1.
14. *Займан Дж.* Модели беспорядка. М. 1982.
15. *Соссюр Ф де.* Курс общей лингвистики. М. 2004.
16. *Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В.* Политология. М. 2000. С. 50
17. См., например: *Сергеев В.М.* Демократия как переговорный процесс. М. 1999; *Тарасов В.Б.* Агенты, многоагентные системы, виртуальные сообщества: стратегическое направление в информатике и искусственном интеллекте // Новости искусственного интеллекта. 1998. №3.
18. *Баскакова Ю.М., Митрохина Т.Н.* Моделирование политической реальности: качественные и количественные аспекты. Саратов. 2005.
19. *Абельсон Р.* Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. 1987. С. 364.
20. *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // *Полис.* 1992. №4.
21. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
22. *Барсамов В. А.* Цветные революции: теоретический и прикладной аспекты // Социологические исследования. 2006. № 8; Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. // The Annual Review of Political Science, 2001, 4; Foran J. Theories of Revolution Revisited: Toward a Fourth Generation? // Sociological Theory, 1993, 11.
23. *Tarigin A.* A Mathematical model of Athenian democracy. Препринт WP7/2006/03 ГУ ВШЭ. 2006.
24. *Малков С.Ю., Коротаев А.В. (ред.)* История и синергетика. Математическое моделирование социальной динамики. М. 2005.